ИСТОРИКО-КАНОНИЧЕСКИЕ И БОГОСЛОВСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ПАТРИАРХА НИКОНА*

Исследование фигуры Патриарха Никона является одной из «вечных проблем» отечественной исторической мысли. Образ Патриарха окутан мифами и предельно упрощен за счет идеологических средств национально-государственной социокультурной мифологии. Как для либералов, так и для неоконсерваторов фигура Патриарха Никона является знаковой, продолжает вызывать острые споры, в которых участвуют сегодня не только профессиональные историки, но и публицисты, политологи, широкая общественность, высказывающие подчас противоположные суждения. Огромный массив разноплановой исторической литературы о Патриархе, постоянно увеличивающаяся источниковая база появившаяся за триста с лишним лет, подвергались специальному историографическому рассмотрению не столь часто.

В массовом и профессиональном историческом сознании главенствует стереотип о том, что наличие у Патриарха Никона богословских воззрений необходимо еще доказать. Вот мнения маститых русских историков на этот счет.

Митрополит Макарий (Булгаков) не усмотрел чего-либо «основательного» в «Возражении или Разорении» для вывода об «обширной начитанности и учености Никона»[1].

В.О. Ключевский: «Власть и придворное общество погасили в нем духовные силы, дарованные ему щедрой для него природой. Ничего обновительного, преобразовательного не внес он в свою пастырскую деятельность; всего менее было этого в предпринятом им исправлении церковных книг и обрядов»[2].

В.Г. Сенатов: Никон не оставил «после себя обращений к духовным чадам или духовных посланий — лишь хозяйственные документы»[3].

А.Л. Юрганов: «Никон — инициатор исправления не обладал глубокими знаниями и ученостью, которыми отличались его предшественники, такие как митрополит Киприан или новгородский архиепископ Геннадий. Никаких директивных указаний со стороны Патриарха тоже не было; отсюда ясно, что справа книг велась нецеленаправленно»[4].

За основу приведенных оценок взяты положения сконструированные Паисием Лигаридом еще в период «дела» и суда над Никоном в 60-е гг. XVII в.

В историографии XVII–XX вв. прослеживается тенденция противопоставления идеологических систем «староверия» и «никониан». При этом гораздо шире привлекались источники по старообрядчеству, а идейное наследие Патриарха Никона неоправданно игнорировалось. В оценке староверческого движения до сих пор широко представлены поверхностные суждения, историографические штампы, упрощенные оценки. Многое в деятельности Святейшего зачастую не подвергается научному анализу, а механически заимствуется из предшествующих этапов развития исторической мысли. Обобщенную схему базового исторического нарратива можно представить следующим образом. Протопоп Аввакум — не просто мученик раскола, а крупнейший идеолог этого общественного движения XVII в. Патриарх Никон — не идеолог, а организатор литургической реформы, вызвавшей раскол не только в Церкви, но и в обществе. Ис-

---

* Основные положения диссертации на соискание ученой степени д-ра исторических наук по специальности 07.00.02 (отечественная история), выполненной на кафедре дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Научный консультант — Сорокин Ю.А., д. ист. н., проф. Официальные оппоненты: Соколов А.Р., д. ист. н., проф.; Дутчак Е.Е., д. ист. *н.,* доц.; Родигина Н.Н., д. ист. *н.,* доц. Ведущая организация: Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (кафедра государственно-конфессиональных отношений).

[1] *Макарий, митр.* Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов. М., 1881. С. 264.

[2] *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. VIII. С. 250–251.

[3] *Сенатов В.Г.* Философия истории старообрядчества. Вып. I. М., 1908. С. 69–70.

[4] *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 266.

ториография деятельности Патриарха Никона в контексте раскола, присутствовала во многих работах, но о роли Никона в историографии писали лишь В.С. Иконников, М.В. Зызыкин, В.В. Шмидт, С.К. Севастьянова, С.М. Дорошенко, К.-М. Кейн.

Можно выделить два направления историографических исследований о Патриархе Никоне: обзорно-библиографическое и аналитическое. К первому относятся работы В.С. Иконникова, который рассмотрел труды, посвященные Патриарху Никону в XVIII–XIX вв. Фундаментальная последняя глава труда М.В. Зызыкина содержит историографический обзор известной и доступной исследователю отечественной и зарубежной литературы о Патриархе. Библиографию работ о Патриархе Никоне XX столетия до 1985 г., представил в словарной статье Н.Ю. Бубнов[5]. В исследовании С.М. Дорошенко каждый день жизни Патриарха соотнесен с архивными, историческими и историографическими источниками[6]. Специальная статья В.С. Румянцевой посвящена изучению особенностей первого периода историографии проблемы[7].

Второе направление связано с трудами В.В. Шмидта[8], который разработал методологическую систему анализа, включающую такие методы как иеротопический, индуктивно-дедуктивный, просопографический, идеографический, типологизации, феноменологический, историко-семиотический, контент, структурно-функциональный. Все это открывает новые перспективные возможности исследования как образа Патриарха Никона, так и его воззрений.

Подобная историографическая ситуация определяет научную актуальность и значимость данного исследования, в котором *целью* стала реконструкция и интерпретация историко-канонических и богословских воззрений Патриарха Никона в общем контексте богословских споров третьей четверти XVII в.

В соответствии с этой целью были поставлены *задачи* выявить содержание традиций почитания и «хуления» Патриарха Никона, их развитие в научно-критической светской и синодальной историографии (XVIII–XIX вв.), историографии советского и постсоветского периода, эмигрантской и зарубежной историографии (XX–XXI вв.); исследовать основные структурообразующие элементы воззрений Патриарха Никона; сопоставить церковно-канонические и исторические воззрения Патриарха Никона и теоретиков догматико-полемической традиции раннего раскола; рассмотреть место и роль концепции пастырства Патриарха Никона в общественно-политической и богословской мысли России.

Объектом исследования стало идейное наследие Патриарха Никона; *предметом* — система и характер воззрений Патриарха Никона как государственного и церковного деятеля.

На защиту вынесены следующие положения:

1. Негативный эмоционально-окрашенный стереотип Патриарха Никона как развенчанного «культурного антигероя» в рамках национальной картины мира был разработан в полемической литературе во второй половине 60–70-х гг. XVII в. и продолжал развиваться на протяжении XVIII–XIX вв., что соответствовало концепции надконфессионального государства;

2. В почитании Патриарха Никона как местночтимого святого зарождалась традиция апологетики, основанная на святоотеческих ортодоксальных мировоззренческих установках, в рамках этой традиции происходила публикация основных источников по идейному наследию и хозяйственной деятельности, что позволило авторам реконстру-

---

[5] *Бубнов Н.Ю.* Никон // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в.: И–О. СПб., 1993. С. 400–404.

[6] *Дорошенко С.М.* Патриарх Никон: Летопись жизни и деятельности на фоне событий церковной и гражданской истории и в окружении разного рода лиц к нему касательных // Патриарх Никон: Стяжание Святой Руси — созидание государства Российского / Сост. В.В. Шмидта, В.А. Юрчёнкова. В 3 ч. Ч I. М., 2009 (в печати); см. ркп.: РНБ, ГИПБ, Синодальная библиотека МП.

Севастьянова С.К. издала черновой вариант рукописи Дорошенко под своим именем — см.: *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности Патриарха Никона». СПб., 2003.

[7] *Румянцева В.С.* Патриарх Никон в отечественной историографии периода ее становления: конец XVIII — середина XIX века // Вопросы истории. 2005. № 10. С. 156–161.

[8] *Шмидт В.В.* Никон, Патриарх: история и истории // Патриарх Никон: история и современность: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Саранск, 27–28 октября 2005 г.) / Отв. ред. В.А. Юрченков. Саранск, 2007. С. 24; *Он же.* Никоноведение: библиография, историография и историософия // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2008. № 3–4 (44–45); *Патриарх Никон.* Труды / Авт.-сост. В.В. Шмидт. М., 2004.

ировать реальные исторически-обоснованные воззрения и деяния Патриарха;

3. Богословское творчество Патриарха Никона имеет ярко выраженные христо-экклесиоцентричные корни — он был выразителем исихастско-ориентированной богословской традиции;

4. Метод работы Патриарха Никона с текстом первоисточника можно охарактеризовать как реконструктивную интертекстуальность. Патриарх Никон применял нарративно-экзегетический метод, вписывая евангельские цитаты в историческое повествование, например, противопоставляя нравственные законы нагорной проповеди действиям Царя Алексея Михайловича. Важнейшее концептуальное ядро церковной проповеди-гомилии, выстраивается Патриархом через соединение единых по тематике фрагментов священных текстов — качества христианского правителя и христианского пастыря и соотношение святительской и царской властей;

5. Экклесиологические воззрения (стремление к оцерковлению всех сторон жизни) были общей основой идеологии как староверов, так и Патриарха Никона. Патриарх Никон применял евангельское учение об ограничении царской власти законом Божьим, отстаивая право Церкви на роль внутренней оппозиции в случае нарушения симфонии властей;

6. По мнению Патриарха Никона, основанному на последних земных словах Христа «Се Аз с вами во все дни до скончания века», нет особых духовнонасыщенных периодов истории. Благодатные времена не исчерпываются со Стоглавом. Именно этот конфликт породил пристальный интерес исследователей к фигуре, стоявшей в центре событий — Патриарху Никону. В центре полемики оказались не обряды как таковые, а их взаимосвязь с традициями, историей, опытом предыдущих поколений. В конфликте «новаторского» проекта и древнего наследия столкнулись разные образы «идеала будущего» и «идеала прошлого»;

7. Патриарх Никон внес значительный вклад в отраслевое богословие в России XVI–XVII вв., принципы канонического устройства Церкви, канонические вопросы взаимодействия Церкви и государства (экклезио-эсхатологические и нравственно-аскетические). Система богословских воззрений Патриарха Никона соответствует этико-политическому и этико-богословскому аспектам аксиологической модели русской православной теоцентрической картины мира.

Методологическую базу исследования составили общенаучные методы в совокупности с принципами историзма, социальности, научной объективности. Исходной исследовательской парадигмой диссертации является интеллектуальная история, которая изучает идеи через культуру, биографию и социокультурное окружение их носителей методами просопографии[9].

Актуальность теории интерпретации текстов приводит к необходимости использования следующих специальных методов: историко-системного, –сравнительного и — семиотического, а также дискурсивного семантико-когнитивного анализа. Тексты, представленные в идейном наследии Патриарха Никона рассматриваются в работе как пространство, выраженное знаками, символами, образами, «сущностными свойствами культурного бытия, автора текста»[10]. Поскольку у Патриарха Никона нет специальных богословских трудов, а его рассуждения разбросаны по работам, посвященным самым разным проблемам, первоначально был применен метод дискурсного анализа[2*], с целью вычленения

[9] См.: *Репина Л.П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей: Человек в истории. Исслед. по соц. истории и истории культуры. 1996. М., 1996. С. 25–39; *Зенкин С.* Русская теория и интеллектуальная история: Заметки о теории // Новое литературное обозрение: Теория и история литературы, критика и библиография. 2003. № 3 (61). С. 24–45; *Дмитриев А.* Контекст и метод (предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии) // Там же. 2004. № 2 (66). С. 68–87.

[10] *Зверева Г.И.* Реальность и исторический нарратив: Проблемы саморефлексии новой интеллектуальнрой истории // Одиссей. 1996. М., 1996. С. 13.

[2*] Под *дискурсным анализом* понимается выявление способа осмысления реальности на основе анализа языковой формы (формы выражения) и установления связей в рамках интертекстуального подхода. Используется следующая стратегия исследования: фиксация изучаемого материала; выделение его формальных характеристик; обозначение контекста как коммуникативной ситуации; выбор направления и стратегии анализа; теоретическое дифференцирование и структурирование этапов исследования; определение техники и средств анализа при использовании конкретной модели исследования; дефиниции единиц анализа; проверка системы категорий в теории и на эмпирическом материале; осуществление основных этапов исследования (дескрипция, реконструкция, интерпретация); фиксация результатов исследования, их обобщение, истолкование и структурирование. См.: *Дейк Т.-А., ван.* Язык: Познание: Коммуникация: Сб. работ / Сост. В.В. Петрова;

рассуждений, имеющих отношение к историко-канонической составляющей воззрений Святейшего. Поскольку модель картины мира Патриарха Никона была христоцентрична, соединяла онтологическое, аксиологическое и эстетическое восприятие действительности, мы исследовали концептосферу его религиозного дискурса — подвергали анализу текстовые фрагменты его произведений.

Источниковая база исследования определялась в соответствии с представлением о том, что уникальность любого текста порождена своеобразием личности автора, следовательно, к *первому виду* отнесены источники личного происхождения — «автокоммуникативные» и «межличностно-коммуникативные»[11] (рукописи, хранящиеся в фондах РГАДА[12], а также опубликованные источники. Вторую группу источников личного происхождения представляет эпистолярное наследие (частная и официальная переписка) Патриарха Никона и связанных с ним крупных государственных и церковных деятелей. В третью группу источников личного происхождения вошли полемические произведения оппонентов Патриарха Никона. В четвертую группу источников личного происхождения вошли жизнеописания Патриарха Никона[13], свидетельства иностранцев[14].

Второй вид источников представлен официальными документами и делопроизводственными материалами Российского государства — деяниями московских соборов; чины постановления на священство и на царство; «Судное дело» Патриарха Никона[15].

Третий вид источников представляют документы Церкви, которые сопоставляются с историко-каноническими и богословскими воззрениями Никона посредством лингвокогнитивного и лингво-культурологического анализа.

***

Первый свод «хулительных» рассказов о Патриархе Никоне был составлен в Пустозерске в 70-х гг. XVII в. сосланными туда писателями-старообрядцами, которые оформили их в отдельную книгу под общим заголовком «О волке и хищнике и богоотметнике Никоне достоверно свидетельство, иже бысть пастырь во овчей кожи, предотеча Антихристов». Там Патриарх представляется как «еретик, богохульник» (1667), «антихрист, сатана, рог антихриста» (1670), «волхв, алхимик, нечестивец, прелюбодеец» (1676), «властолюбец, убийца Павла Коломенского» (1678). Идея «вины» Никона за раскол разработана Паисием Лигаридом в его «Истории суда над Патриархом Никоном». Здесь фигура опального Патриарха рассматривается в качестве «захватчика» царской власти, «русского папы». Объяснение поступков Святейшего его «гордыней» было введено в ранг историографических аксиом.

Богословие Патриарха Никона осмысляют богословы, философы, филологи, искусствоведы, но среди историков введенный в научный оборот корпус источников остается все еще невостребованным. Однако совершенно очевидна необходимость

пер. с англ. под ред. В.И. Герасимова. М., 1989. С. 294–300; *Кубрякова Е.С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров / Отв. ред. С.А. Ромашко. М., 2000. С. 7–25; Язык: Текст: Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Вып. 5. Ставрополь, 2007.

[11] Источниковедение: Теория: История: Метод: Источники по российской истории: Уч. пособ. / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 466.

[12] РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 20. Ч. 7. Д. 22, 23, 26, 68, 69, 75, 134, 140. Ч. 1–9, Д. 140а, 140б, 530, 531; Ф. 153. Оп. 1. Д. 15–20, 22–45.

[13] Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным. М., 1871.

[14] Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом П. Алеппским. Вып. 1–5 / Пер. с араб. [и предисл.] Г. Муркоса. М., 1896–1900. Т. 2. М., 1897; Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена Придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом / [Предисл. О. Бодянский]. М., 1874; *Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // ЧОИДР. 1846. № 1. С. 536–537; Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., примеч. и указ. А.М. Ловягина. СПб., 1906.

[15] *Гиббенет Н.А.* Историческое исследование дела Патриарха Никона: В 2 ч. СПб., 1882–1884; Дело о Патриархе Никоне / Под ред. Г.В. Штендмана. СПб., 1897; *Шмидт В.В.* Судное дело Никона, Патриарха Московского // *Патриарх Никон.* Труды. С. 1047–1215.

переоценки значения воззрений и личности Патриарха как церковного писателя и незаурядного мыслителя (положения, которые принимались априори должны быть либо доказаны, либо опровергнуты), формирования традиции изучения историко-канонических воззрений Патриарха в исторических исследованиях.

Многое в деятельности Никона, зачастую, не подвергалось научному анализу, а механически заимствовалось. Историки, в том числе знаменитые (С.М. Соловьев, Н.Ф. Каптерев, С.А. Зеньковский, А.М. Панченко) оказались во власти мифологем. «Никон не идеолог, а практик», действовавший грубыми государственно-политическими методами в такой деликатной сфере как религия, «гонитель старообрядцев», убийца Павла Коломенского — таков основной круг их представлений.

Как практика Никона считают либо реформатором Русской Православной Церкви[16], либо автором «литургической реформы»[17]. Основным признаком «литургической реформы» считают появление и последующее распространение нового комплекса богослужебных книг, которые по набору и редакции текстов отличались от существовавших ранее. На наш взгляд, обе точки зрения неточны. Правильнее считать, что в период Патриаршества Никоном была осуществлена «корректура», герменевтическая справа-синопсизация[18], проводившаяся Святейшим вплоть до 1658 г., т.е. до оставления им Патриаршей кафедры. После 1658 г. дальнейшая судьба справы оказалась полностью в руках царя Алексея Михайловича и закончилась в 1695 г.

Почитание Патриарха Никона как местночтимого святого началось вскоре после его кончины. Традицию житийного почитания Никона как великого угодника Божия продолжил его келейник И.К. Шушерин. Его трудами потомкам сохранено «Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России». Составление старообрядцами развернутого подробного антижития Патриарха растянулось на довольно большой период и было завершено лишь к концу XIX в. Старообрядческое антижитие выполнено в жанре исторического романа о Патриархе Никоне. В исторических биографиях и исторических романах Патриарх Никон показывается с политико-идеологической антипатией, что соответствовало актуальным тогда «просвещенческим», социал-гуманистическим принципам государственной политики Российской империи и мифологическому образу развенчанного «культурного антигероя». Образ Патриарха Никона в художественной литературе появляется во времена Петра I[19]. Биографий Никона в художественной и популярной исторической литературе много больше, чем, например, протопопа Аввакума или Алексея Михайловича.

Со второй половины XVIII в. до 60-х гг. XIX в. (первый этап), складываются два направления. В *первом* историки рассматривали фигуру Патриарха Никона сквозь призму угрозы для российской государственности[20]. Цензурные сложности, неразработанность и недоступность архивной базы, определенная заданность рамок рассмотрения

---

[16] См., например: *Шахов М.О.* Старообрядчество, общество, государство. М., 1998. Словосочетание «никоновская реформа» на протяжении монографии упоминается 127 раз (на 110 страницах).

[17] *Пентковский А.М.* Об особенностях некоторых подходов к реформированию богослужения // Православное богословие на пороге третьего тысячелетия: Материалы Богословской конференции Русской Православной Церкви (Москва, 7–9 февраля 2000 г.). М., 2000. С. 331–332; *Шмема А.* Литургическое богословие, богословие литургии и литургическая реформа // St. Vladimir's Theological Quarterly. 1969. № 13. С. 212–217.

[18] Изменения текста затрагивали значение грамматических форм, которые большинство людей привыкли употреблять автоматически, не задумываясь над их смысловым значением, сложность рефлексии по поводу текста затрудняла формулирование возражений, кроме очевидных примеров расхождений. См., например: *Ключевский В.О.* Курс русской истории // *Он же*. Соч.: В 9 т. / Под ред. В.Л. Янина. М., 1989. Т. VIII. С. 241–245, 265–299; Кручинина *А.Н.* Патриарх Никон и церковнопевческое искусство его времени // Человек верующий в культуре Древней Руси: Материалы Междунар. науч. конф. (СПб., 5–6 декабря 2005 г.) / Отв. ред. Т.В. Чумакова. СПб., 2005. С. 104–105; *Лобачев С.В.* Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 270, 276; *Michels G.* At War with the Church: Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia. Stanford (California), 1999. P. 217–223.

[19] *С-н Н.* Рассказ Петра Великого о Никоне патриархе // Русский вестник. 1864. Т. 49. С. 321–333; *Перетц В.Н.* Слухи и толки о патриархе Никоне в литературной обработке писателей XVII–XVIII вв. / Оттиск из «Изв. Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. Наук». 1900. Т. 5. Кн. 1. С. 123–190.

[20] *Левек П.Ш.* Российская история, сочиненная из подлинных летописей, из достоверных сочинений и лучших российских историков г. Левеком / Пер. с франц. яз. М., 1787; *Bachmeister J.* Beyträge zur Lebensgeschichte des Patriarchen Nikon /

проблемы Патриаршества в России привели к искусственному моделированию образа Святейшего как развенчанного антигероя — надменного, амбициозного, горделивого владыки, папоцезариста — теократа, стремившегося возвыситься над царем. Он предстает как церковный деятель, управлявший и осуществлявший суд в церковных владениях по своему усмотрению и без вмешательства государственной власти.

Второе направление сложилось в рамках церковной историографии. Историками данного направления были митр. Платон (Левшин), митр. Евгений (Болховитинов), архим. Аполлос (Алексеев), архиеп. Филарет. В качестве основного источника ими использовалось «Известие о житии...» И.К. Шушерина. Кроме того, они рассматривали архитектурное, летописное и идейное наследие Святейшего Патриарха. Модификация государственной идеологии в сторону благочестия, преданности вере и престолу привела к переключению фигуры Патриарха Никона со второй четверти XIX в. из «культурного антигероя» в разряд «культурных героев» в рамках этого направления. Не случайно первые историографические апологеты были настоятелями или историками монастырей, построенных Патриархом Никоном — архим. Лаврентий (Далматов), архим. Досифей (Немчинов), митр. Киевский Евгений (Болховитинов), архиеп. Филарет (Гумлевский), Савва (Тихомиров), Варлаам (Денисов). Патриарх Никон стал рассматриваться главным образом как православный пастырь, Предстоятель, как церковный, а не государственный деятель.

На *втором* этапе (вторая половина XIX — начало XX в.) началась активная публикация архивных документов и материалов, проливающих свет на историю старообрядческого движения. В то же время «Житие» Патриарха Никона было издано и переиздавалось незначительными тиражами. В исторической науке искусственно навязывалась антиномичность и оппозиционность двух якобы равнозначных фигур (герой-антигерой) протопоп Аввакум — Патриарх Никон.

С.М. Соловьев приписывал Никону «недуховные стремления» и безграничное властолюбие. Митр. Макарий (Булгаков) в более мягкой форме указывал на его «необузданную гордость». Н.Ф. Каптерев представлял Никона ограниченным традиционалистом «по умственному складу и всему строю своего мышления». А.В. Карташев писал о «научном невежестве Никона», хотя были уже давно изданы сочинения, опровергавшие эту точку зрения. Историко-каноническое направление историографии наиболее ярко представлено трудом В.Е. Вальденберга «Древнерусские учения о пределах царской власти»[21]. В.Е. Вальденберг выделяет три основополагающие идеи Патриарха Никона: превосходство священства, свобода Церкви, подчинение государства Церкви. Это были традиционные требования православных иерархов от митрр. Киприана и Фотия до прп. Максима Грека. Но Вальденберг вслед за представителями «критической традиции» делает вывод о «папизме» идей Никона, «католическом понимании отношений между церковью и государством», что выражалось в изложении теории двух мечей Бернарда Клервосского и Папы Иннокентия III. Теория Никона, по мнению исследователя, является плодом личной мысли и личного настроения Патриарха — Никон является «единственным теоретиком этого политического направления».

Общими стереотипами критической традиции историографии второго этапа можно назвать, прежде всего, опору на официальные источники (инспирированное «Дело» Патриарха Никона) и сочинение Паисия Лигарида «История о соборе 1666–1667 гг. против Никона и староверов», игнорирование данных, представленных в «Известии о житии...» И.К. Шушерина, полное пренебрежение творческим наследием и собственно деятельностью Патриарха. Считалось, однако, что главная задача Патриарха Никона состояла в церковных

Aus russischen Nachrichten zusammengetragen von J.-B. Riga, 1788; *Татищев В.Н.* История российская с самых древнейших времен. М., 1848; *Щербатов М.М.* Летопись о многих мятежах и о разорении Московскаго государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по преставлении царя Ивана Васильевича; а паче о межгосударствовании по кончине царя Феодора Иоанновича, и о учиненном исправлении книг в царствовании благовернаго государя царя Алексея Михайловича в 7163/1655 году: Собрано из древних тех времен описаниев. СПб., 1771; *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1989 (оригинал: СПб: Тип. Э. Праца, 1845. Т. 10); *Самарин Ю.Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники. М., 1844. С. 226, 230.

[21] *Вальденберг В.Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской литературы от Владимира Святого до конца XVII в. М., 2006. С. 313–316.

исправлениях. Что же касается Никонова папизма, то полагали, что он основан на его буквализме, что могущество Никона — это могущество Патриарха, а не Церкви, возникшее из-за каприза молодого царя. Концепция «священство выше царства» рассматривалась как результат болезненно уязвленного самолюбия, честолюбия и властолюбия Патриарха Никона, не обладавшего для этого ни организаторскими, ни теоретическими, ни моральными данными. Большое значение придавалось влиянию бояр на Алексея Михайловича, а конфликт царя и Патриарха считался результатом столкновения двух характеров.

Другим научным направлением исследуемого периода был православный исторический реализм. Его общие стереотипы сводились к тому, что Патриарх Никон был мужественным исповедником божественных заповедей, великим пастырем, строгим ревнителем правды. Считалось, что разочарование «ревнителей» в Патриархе произошло не в силу его реформ, ибо никаких реформ не было — была лишь книжно-обрядовая справа. Всю беду видели в том, что он не стал подчиняться их взглядам подобно Патриарху Иосифу. Утверждалось также, что раскол фактически развился лишь после низложения Патриарха Никона. К числу главных виновников раскола относили московское боярство, Паисия Лигарида, от интриг которого пострадал Патриарх Никон, а также царскую власть в лице Алексея Михайловича.

Крупным событием в публикации источников по «делу» Патриарха Никона стал труд известного русского историка, архивиста, источниковеда Н.А. Гиббенета[22]. Книга «Историческое исследование дела Патриарха Никона» представляет собой научную разработку, основанную на анализе большой совокупности архивных документов. Вместе с тем опубликовано много важнейших источников о жизни и деятельности Патриарха, а также обширные приложениях. Научную, логически выверенную концепцию удалось создать историкам английской церковно-исторической школы — В. Пальмеру[23] и А. Стенли[24].

Большой вклад в почитание памяти Святейшего Патриарха Никона внес настоятель Воскресенского монастыря в 1869–1877 гг. архима. Леонид (Кавелин). В 1874 г. им был устроен в Воскресенском монастыре музей Святейшего Никона. В 1891 г. издана книга «Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII в.) обще- и местночтимых. Справочная книга по русской агиографии». В этой книге в число 795 святых включен и «Никон, Патриарх Московский и всея России»[25]. Существенно уточнил биографические сведения о Никоне и ход справы С.А. Белокуров. Ему принадлежит также первая публикация о целительской и чудотворной деятельности осужденного Патриарха в Ферапонтовом монастыре (в 1674 г. Никон исцелил около 50 человек, в 1675 г — около 40, в 1676 — около 30)[26].

На *третьем* этапе, важнейший труд, созданный в эмиграции принадлежит М.В. Зызыкину — «Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи»[27]. По мнению Зызыкина, Никон был побор-

---

[22] *Гиббенет Н.А.* Историческое исследование дела Патриарха Никона: В 2 ч. СПб., 1882–1884.

[23] *Palmer W.* The patriarch and the tsar. Vol. 1–6. L.: Trubner, 1871–1876.

[24] Lectures of the History of the Eastern Church, by Arthur Percy Stanley. Oxford, 1861.

[25] *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря, составленное по монастырским актам настоятелем оного архимандритом Леонидом. М., 1876; *Он же.* Краткое историческое сказание о начале и устроении Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря; описание его соборного храма во имя воскресения христова, сравнительно с таковым же храмом, что в Старом Иерусалиме; описание церковных и келейных вещей, оставшихся в монастыре в память его великого основателя святейшего патриарха Никона: С монастырской рукописи 1750-х годов печатается в первый раз... тщанием настоятеля А. Л-а [и с его доб.] М., 1872; *Он же.* Святая Русь, или Сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII в.), обще- и местночтимых. Изложены в таблицах, с картою России и планом Киевских пещер: Справочная книжка по русской агиографии. СПб., 1891. С. 128–129. № 512.

[26] *Белокуров С.А.* Послание Восточным Патриархам, Макарию Антиохийскому и Паисию Александрийскому, приехавшим в Москву для суда над Патриархом Никоном, по рукописи Московской Синодальной библиотеки // Христианское чтение. 1886. № 1–2. С. 292–296; *Он же.* Материалы для русской истории. М., 1888; *Он же.* Дела Святейшаго Никона Патриарха, паче же рещи чудеса врачебная. М., 1888. С. 81–144; *Он же.* Собирание Патриархом Никоном книг с Востока. [Б. м.: б. и.], 1882; 5. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902.

[27] *Зызыкин М.В.* Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи: В 3 ч. М., 1995; см. также: *Серафим (Соболев).* Русская идеология. Русская идеология. София, 1937 (Джорданвилль, 1981; СПб., 1993).

ником идеи симфонии государственной и церковной власти, которую он заимствовал из древнего византийского права. Идея оцерковления жизни должна была освятить, прежде всего, институт царской власти, как основу самой жизни русского государства. Патриарх Никон дал оригинальную теорию православного Царя, подчиняющегося в своей личной жизни православному учению и правилам церкви. Никон напомнил святоотеческую идею различия светской и духовной властей и ушел с кафедры, когда Царь отошел от обещанного пути. По мнению протоирея Г.В. Флоровского[28], неудачи в русском духовном развитии XVII в. были вызваны отступлением от святоотеческого предания, соответственно, раскол был не причиной распада церковного и государственного всеединства, а только его следствием. Утверждая, что священство выше царства, Патриарх не выходил за рамки святоотеческого предания, из которого черпал свои идеи. Однако против него выступили и царь, и греки, и старообрядцы.

А.В. Карташев в рамках сбалансированного критицизма называет основой идеологии Патриарха Никона — «римский клерикализм в его крайней форме»[29]. Исследователь считает, что правило VI Вселенского собора о соотношении двух властей — в латинской традиции теории «двух мечей» — было воспринято «Никоном за чистую монету восточно-канонического права». По его мнению, Никон смешивал хозяйственный исторический быт Русской Церкви с существом канонов, и это его теоретическая ошибка. А.В. Карташев считал, что попытки Патриарха вернуть теократический идеал были безнадежны и тождественны по сути идеалам ревнителей, не принявших нового обряда[30]. Отражением этого антисекулярного чутья стала критика Соборного Уложения в «Возражении или Разорении...». Окончательные выводы как Никона, так и «спровоцированных» им староверов, сводились к апокалиптическому видению будущего, как Церкви, так и государства. Но идеология Никона была облечена в «римский клерикализм в его крайней форме», что и привело к низложению опасного в государственном смысле иерарха.

Как правило, русские эмигранты и зарубежные исследователи склонны к выводу, что обрядовое реформирование имело для Патриарха Никона второстепенное значение по отношению к идее первенства священства над царством. Ведь сохранение курса на исправление обряда после низложения Патриарха полностью сохранилось, т.е. зависимость между идеей реформы Церкви и личностью Патриарха отсутствовала. Никоновский же проект создания теократического государства потерпел полный крах. Сам низложенный Патриарх совершенно утратил интерес к проблемам книжной справы, но по-прежнему горячо развивал свои идеи об отношении между «духовным и светским мечами» власти[31].

С 70-х гг. XX в. в ряде работ зарубежных и эмигрантских историков прослеживается попытка поиска компромисса между обеими сторонами русского раскола. За каждым из них признавалась определенная историческая правота в интерпретации канонической традиции. Основным выразителем этого подхода выступил С.А. Зеньковский[32], который представил наиболее развернутую, в сравнении с другими трудами по данной проблематике, картину старообрядческого эсхатологического протеста. В заключение своей книги автор пишет о безрассудности «нелепых затейках неистового Никона», приведших к хплачевным последствиям[33]. К изучению литературного и полемического наследия Никона обратился в последние годы жизни Г.В. Вернадский, опубликовавший на русском языке «Возражения или Разорения...» Никона на ответ Паисия

---

[28] *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. Париж, 1937.

[29] *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви: В 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 194–197.

[30] Эти положения были заимствованы Дж.-Х. Биллингтоном — см.: *Биллингтон Дж.-Х.* Икона и топор: Опыт истолкования истории русской культуры / Пер. с англ. С. Ильина и др. М., 2001. С. 193–197, 172, 177, 191, 186, 201; *Шмидт В.В.* Интерпретация личности Патриарха Никона в России и за рубежом (на примере исследования Дж. Биллингтона «Икона и топор») // ПОЛИС. 2008. № 2; *Он же.* Дж. Биллингтон и Патриарх Никон: к идеологии американской политики в отношении славянороссов // Имперское возрождение. 2007. № 4.

[31] *Cherniavsky M.* 1. Tsar and People: Studies in Russian Myths. New Haven; L., 1961; 2. The Old Believers and the New Religion. In The Structure of Russian History: Interpretive Essays / Edited by Michael Cherniavsky. New York: Random House, 1970; *Schmemann Alexander, Archpriest.* The Historical Road of Eastern Orthodoxy. N. Y., 1963.

[32] *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество: Духовные движения 17-го в. М., 1995 (см.: Предисл. С. 496).

[33] Ср.: *Башилов Б.* История русского масонства. Т. II: Тишайший царь и его время. Буэнос-Айрес, 1992. С. 54–80.

Лигарида боярину Стрешневу с филологическими и историческими комментариями[34].

В советский период личность и воззрения Патриарха Никона в сильно упрощенном виде упоминались только в связи с церковной реформой, которую рассматривали как продукт централизации, проводившейся господствующим классом, что тесно связывали с внешнеполитическим курсом правительства, нацеленным на усиление влияния на Украине. Работы историков по проблеме множились, но в них тиражировались традиционные подходы, повторялись выкладки дореволюционных авторов в лучшем случае со ссылкой на них (в подавляющем большинстве случаев А.П. Щапова и Н.Ф. Каптерева). Узкий спектр оценок Патриарха Никона варьировался лишь в нюансах. Отдельные стороны интересующей нас проблемы в историографии советского периода находили свое отражение в книгах искусствоведов, литературоведов и культурологов[35].

Авторы советского периода внесли существенный вклад в обогащение источниковой базы изучения старообрядчества, но по идейным, духовным аспектам, теологическим спорам и особенностям картины мира, как старообрядцев, так и Патриарха Никона исследования не осуществлялись. Гипертрофированный классовый подход, опора на марксистскую идеологию как единственно верную, включение политической лексики в исторический нарратив приводили к своеобразной квазиполитизации религиозно-философской мысли второй половины XVII столетья.

На *четвертом* этапе, со второй половины 90-х гг. XX в. появляется большое число публикаций общего характера о жизни и деятельности Патриарха. Д.Ф. Полознев[36], изучавший противоречия внутри церковной иерархии[37] пришел к выводу, что в основе взглядов и поступков Никона лежала цельная система представлений, опиравшаяся на православную церковную традицию. Это выразилось в актуализации культов тех русских святых, которые выступали с независимой позицией по отношению к светской власти. Возрождались также византийские традиции придворного религиозного быта, особенно в церемониях Патриарших выходов, в допечатке «Кормчей», куда вошли документы, в которых акцентировалось внимание на особой миссии русского православия и главы Русской церкви. По мнению Б.А. Успенского[38], конфликт Патриарха и царя основан на противоположных интерпретациях одного и того же материала. Однако в России Патриарх в силу своего особого положения получал не только административные, но и харизматические преимущества по отношению к прочим епископам. Он был правомочен восприниматься как образ Божий.

---

[34] *Tumins A., Vernadsky G.* Patriarch Nikon on Church and State: Nikon's «Refutation». Berlin; N.-Y.; Amsterdam, 1982. P. 80–673, 679–785.

[35] *Ильин М.А.* Крестный монастырь на Кий-острове // Архитектурное наследство. 1962. № 14. С. 89–104; *Алферова Г.В.* К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона // Архитектурное искусство: Сборник. М., 1969. Сб. 18. С. 30–44; *Позднеев А.В.* Никоновская школа песенной поэзии // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 419–428; *Сивак С.И.* Изразцовая мастерекая Иверского Валдайского монастыря // Новгородский край: Материалы науч. конф. «Новгород древний — Новгород социалистический: Археология, история, искусство», посвящ. 50-летию археол. раскопок в Новгороде (1982, 13–15 окт.) / Сост. В.Ф. Андреев. Л., 1984. С. 239–244; *Парфентьев Н.П.* О деятельности комиссий по исправлению древнерусских певческих книг в XVII в. // Археографический ежегодник за 1984 год / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 1986. С.128–139.

[36] *Полознев Д.Ф.* К изучению датированных известий в источниках по истории патриарха Никона // Методология, историография, источниковедение истории СССР и всеобщей истории. Ярославль, 1986. С. 20–29; *Он же.* Клерикальная оппозиция в начале становления российского абсолютизма: Конец 1640–1660-х гг.: Автореф. ... к. ист. н. М., 1990; *Он же.* Канонизация митрополита Филиппа в идейной борьбе за упрочение авторитета церкви в середине XVII в. // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. статей. М., 1990. С. 283–293; *Он же.* Письма русских архиереев царю Алексею Михайловичу 1662 г.: К истории внутрицерковной борьбы в связи с «делом Никона» // Проблемы истории и культуры. Ростов, 1993. С. 61–80; *Он же.* «Обличение на патриарха Никона» вятского епископа Александра 1662 г. // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1998. Вып. 9. С. 170–199; *Он же.* Церковный суд в России XVII в. // Исторический вестник. 2002. № 1 (16); *Он же.* Церкви в государстве и обществе по Соборному уложению 1649 года и Кормчей 1650 года // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим»: Сб. статей / Сост. Г.М. Зеленская. М., 2002. С. 101–104.

[37] *Полознев Д.Ф.* Клерикальная оппозиция...: Автореф. С. 3–22.

[38] *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России: (Византийская модель и ее русское преломление). М., 1998; *Он же.* Литургический статус царя в Русской Ццеркви: Приобщение к св. тайнам: Историко-литургический этюд // *Успенский Б.* Этюды о русской истории. СПб., 2002. С. 229–278; *Он же.* Эпизод из дела патриарха Никона: Страничка из истории греческо-русских церковных связей // Там же. С. 371–393.

В 1992–1999 гг. С.М. Дорошенко была создана первая в отечественной историографии летопись жизни и деятельности Никона[39]. Благодаря «Летописи» четко выстраивается событийная канва его жизни, выясняется хронология его идейного наследия. В ней нашли отражение факты отношений Никона современниками. С.В. Лобачев[40] настаивает на том, что раскол и массовые гонения, начались уже после удаления Никона с первосвятительской кафедры, поэтому вина за раскол должна быть возложена на царя, а не Патриарха. По мнению С.В. Лобачева, печатные произведения первой половины XVII в. сформировали мировоззрение нового поколения русских книжников — ориентацию на старину, убежденность во вселенской миссии русского царя. Главным источником знания для Патриарха Никона была Кормчая книга. Ее правила он воспринимал как руководство к действию. Даже его уход был подражанием евангельскому сюжету. Царь же, укрепив свои позиции в обществе и на международной арене, больше не нуждался в опоре на Церковь, он стал самодостаточным.

В последнее время интерес к личности и деятельности Патриарха Никона и его наследию возвращен в научно-исследовательское поле. За последние несколько лет изданы четыре редакции жизнеописания Патриарха Никона и свидетельства современников. Обращение к образу Патриарха было связано с подготовкой к празднованию юбилейных памятных дат в отечественной истории. Юбилейные торжества пришлись на 2002 г. (350 лет со дня интронизации), 2005 (400 лет со дня рождения) и 2006 гг. (325 лет со дня смерти) этого выдающегося церковного и государственного деятеля[41]. Важным фактом культурной жизни стали юбилейные выставки: в музее «Новый Иерусалим» (1998, 31 октября 1999 г., 2001, 2002, 21–22 июня 2005 г., 26 июня 2006 г., 7 июня 2007 г.)[42]; в Государственном историческом музее — выставка «Патриарх Никон и его время» (27 июня — 18 ноября 2002 г., научная конференция — 9–10 декабря 2002 г.)[43]; в преддверии 400-летнего юбилея Святейшего Патриарха Никона в Москве в Союзе писателей России под председательством В.Н. Ганичева прошел «круглый стол» по теме «Преодоление средостения: народ, власть, церковь. В ознаменование 400-летия со дня рождения Святейшего Патриарха Никона» (июнь 2005), в Московском Кремле — выставка «Царь Алексей Михайлович и Патриарх Никон: Премудрая двоица» (29 сентября 2005 г. по 22 января 2006 г.)[44]; в Кирилло-Белозерском монастыре — выставка «Святейший Патриарх Никон» (2005)[45], в Печерском Вознесенском монастыре Нижнего Новгорода — выставка «Рожденный на земле Нижегородской» (с 31 мая 2005 г.), которые представили личные вещи, автографы и портреты Патриарха на фоне эпохи; книжная выставка в Государственной Публичной Исторической библиотеке «Патриарх Никон — государственный и общественный деятель (1605–1681)» (со 2 июня по 2 июля 2005 г.), на которой были представлены издания, вышедшие до 1918 г.

Наиболее значительный вклад в изучение наследия Патриарха Никона внес В.В. Шмидт[46]. Анализируя содержание таких источников как «Возражение или Разорение», «Духовные наставления» он доказал, что богословие Патриарха Никона было возвращением к святоотеческой

[39] *Дорошенко С.М.* Никон, милостью Божией Патриарх Московский: Летопись жизни и деятельности. М., б. и. (рукопись; РГПИБ, Синодальная библиотека МП), 2000; см. также: *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003.

[40] *Лобачев С.В.* Патриарх Никон. СПб., 2003.

[41] *Шмидт В.В.* Юбилей Патриарха Никона // Вестник Российского философского общества. 2006. № 2 (38). С. 74–76.

[42] Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим»: Сб. статей / Сост. Г.М. Зеленская. Вып. 1. М., 2002; Вып. 2. М., 2005.

[43] Патриарх Никон: Облачения, лич. вещи, автографы, вклады, портр. из собр. Гос. Ист. музея, музея-заповедника «Москов. Кремль», музея «Новый Иерусалим», Кирилло-Белозерского, музея-заповедника «Коломенское», РГАДА / Сост. Е.М. Юхименко и др. М., 2002.

[44] Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон: «Премудрая двоица» / Сост. И.А. Бобровицкая, М.В. Мартынова. М., 2005.

[45] Святейший Патриарх Никон: Каталог выставки к 400-летию со дня рождения. М., 2005.

[46] *Шмидт В.В.* Свод «Судного дела Никона, Патриарха Московского и Всея Руси, и других архивных материалов как проблема интерпретации // ИНИОН РАН. № 55296. М., 1999; *Он же.* Патриарх Никон: Труды и воззрения (интерпретация религиозно-философской традиции) // Там же. № 55297. М., 1999; *Он же.* Религиозно-философские воззрения и система богословия Патриарха Никона: Дисс... к-т филос. н. М., 2000; и др.

традиции. В работе «Свод “Судного дела” Никона, Патриарха Московского и Всея Руси» и других архивных материалов как проблема интерпретации» приводится опись судного дела и других архивных материалов, хранящихся в РГАДА. В.В. Шмидт убедительно доказывает, что Патриарх Никон старался преобразить государственную жизнь, воскресить и реставрировать традиционный социальный строй, базирующийся на догматических принципах православия[47]. По его мнению, богословские и религиозные взгляды и убеждения Патриарха Никона полностью согласованы с традиционным святоотеческим православным вероучением, притом в его каппадокийской традиции, и представляют довольно разработанную систему, которую автор называет «иерократией».

В 2004 г. в издательстве Московского университета под общей редакцией В.В. Шмидта вышли труды Патриарха Никона. В научный оборот был введен корпус архивных материалов: «Возражение, или Разорение...», «Духовные наставления христианину», «Духовное завещание Никона, Патриарха», гомилетическое и эпистолярное наследие, стихотворное наследие никоновской школы песенной поэзии с самым полным на сегодня корпусом Новоиерусалимских псалмов и др.[48] Докторское исследование Шмидта представляет собой первое в гуманитарной науке (философии, религиоведении, культурологии) систематическое междисциплинарное исследование образа Патриарха Никона в русской социокультурной и социально-политической картине мира, а также наследия Патриарха[49].

Ряд важных работ вышли из-под пера исследовательницы эпистолярного наследия Патриарха — С.К. Севастьяновой[50]. В статьях, посвященных переписке Святейшего, она указывает на особенности его стиля как писателя: в обращении с цитатами он ведет себя как типичный древнерусский книжник — практически не перерабатывая текст источника, он, как правило, дословно цитирует его. При этом круг источников Никона не слишком широк — это в основном цитаты из Библии, тексты которой Никон, будучи чрезвычайно начитанным и образованным человеком и значительную часть времени проводя за богослужением, знал наизусть; Патриарх собственным примером убеждает своих адресатов следовать в жизни евангельским заповедям и уповать на Бога.

На сегодня в рамках гуманитарных наук (философии, филологии, культурологии, искусствознания) выработана адекватная методологическая база для изучения государственно-конфессиональных отношений второй половины XVII в., в частности, историко-канонических и богословских воззрений Патриарха Никона.

В историографии существуют различные мнения о времени составления «Возражения или Разорения...». На славянском языке текст издан дважды: первый раз в «Записках Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества» под редакцией В. Ламанского[51] (фрагменты) и Г.В. Вернадским[52]. Перевод памятника на английский язык и его издание осуществлены в 1871 г. У. Пальмером. В настоящее время В.В. Шмидтом проведено текстологическое исследование и осуществлена публикация «Возражения...»[53]. Но этот источник в исторической науке использовался крайне скудно. С.М. Соловьев цитирует его в XI т. «Истории России...»[54], митр. Макарий (Булгаков) нелицеприятно отзывался по

[47] *Шмидт В.В.* Никон, Патриарх Московский и его Воскресенский монастырь, именуемый Новый Иерусалим // Богословские труды. 2002. № 37. С. 283–344.

[48] Патриарх Никон: Труды / Научн. исслед., подготовка док-тов к изд., сост. и общ. ред. В.В. Шмидта. М., 2004.

[49] *Шмидт В.В.* Патриарх Никон и его наследие в контексте русской истории, культуры и мысли: опыт демифологизации: Дисс. ... д. филос. н.: В 2 т. М., 2007.

[50] *Севастьянова С.К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона: Переписка с современниками: Исследование и тексты. М., 2007.

[51] Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества / Под ред. В. Ламанского. СПб., 1861. Т. 2. С. 423–498.

[52] Patriarch Nikon on Church and State. Nikon’s «Refutation» / Edited with Introduction and Notes by Valerie A. Tumins and George Vernadsky. Berlin; N.-J.; Amsterdam, 1982. С. 80–673.

[53] *Патриарх Никон*. Труды. С. 197–465.

[54] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен / Коммент. А.М. Сахарова, В.С. Шульгина. М., 1991. С. 95–101, 190–204.

поводу «Возражения...» (по его мнению, Патриарх подкреплял не только главные, но и второстепенные свои мысли произвольным набором библейских текстов и церковных правил, отчего сами мысли Никона расплывались и терялись, а источники он просто переписал в свою книгу)[55].

Б.А. Успенский[56] использует «Возражения или Разорения...» в трактовке обряда шествия на осляти в Вербное воскресенье и соотнесении Патриарха Московского и Папы Римского. Д.Ф. Полознев рассматривает 8-й и 11-й вопросы-ответы «Возражения» и приходит к выводам о довольно цельной системе представлений Патриарха Никона, опиравшейся на церковную традицию и ориентированного на сложившуюся в связи с «делом Никона» ситуацию. В другой работе он отмечает значение «Возражения» в исследовании проблем церковного суда в России XVII в.[57] С.В. Лобачев называет «Возражение или Разорение» своеобразным духовным завещанием, в котором Никон высказался по всем волнующим его вопросам, причем ни разу не обмолвившись о церковной реформе. Очевидно, главным делом Никона была не реформа, а возвышение роли священства и Вселенского Православия, что нашло отражение в новом внешнеполитическом курсе Русского государства[58].

Таким образом, несмотря на то, что «Возражение или Разорение» Патриарха Никона уже более 150 лет введено в научный оборот, использовалось оно исследователями мало и очень специфично: выявлялся комплекс «теократических» воззрений Святейшего, а богословская составляющая и принципы написания отходили на второй план. Исключением можно считать работы М.В. Зызыкина, в которых рассматривались вопросы соотношения священства и царства в «Возражении», текстологические комментарии Г.В. Вернадского и В.Б. Туминой, где были выявлены источники (не все) «Возражения», и В.В. Шмидта, в которых воззрения Патриарха Никона рассматривались через призму состояния православной богословской мысли X–XVII вв. При этом указанными исследователями не были освещены принципы составления «Возражения», методы цитирования Священных Писания и Предания, детально не прорабатывались отдельные отрасли богословия на предмет соответствия вклада Патриарха Никона в развитие религиозной философии в контексте полемики третей четверти XVII в.

В свою очередь мы обращаем внимание на то, что в «Возражении» можно выделить несколько пластов традиционных текстов: Писание и Предание, постановления Вселенских, Поместных соборов, правила святых отец, правила свт. Василия Великого, правила и апостольские заповеди архиепископа Александрийского Кирилла, градские законы греческих и русских царей, заповеди царей Константина и Мануила, устав св. князя Владимира, Кормчую книгу, Соборное уложение и т.д.

Библейская цитация у Патриарха Никона прослеживается как в маркированном, так и не в маркированном виде. Маркированные цитаты — это точное указание на библейскую книгу с пометой на полях (эти цитаты как правило занимают сильные позиции начала или конца текста). Немаркированные цитаты основаны либо на пересказе библейского текста, либо с указанием персонажа из библейской истории (выделены такие приемы как сугубая цитата и сюжетообразующий пересказ). Принципы контаминирования, реферирования, сгущения примеров из Священного Писания, цитатная избыточность и другие традиционные способы дидактического и эмоционального воздействия на читателя, использованные Никоном при работе с источниками, свидетельствуют об особом отношении автора к библейскому тексту. С ним необходимо работать, чтобы обнажить и выразить его глубочайшее духовное содержание с максимальной полнотой и доходчивостью для наиболее адекватного восприятия текста читателем.

Основной структурной особенностью здесь выступает принадлежность цитируемого текста к той или иной библейской книге, но встречаются и переходные случаи, — например, цитируется отрывок из Евангелий, Деяний и Посланий со ссылками на параллельные места из Ветхого Завета

---

[55] *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви. Т. 1–12. 1589–1654. Кн. 3. 1883. С. 194–214.

[56] *Успенский Б.А.* Царь и Патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское преломление). М., 1998. С. 95–106, 495–517.

[57] *Полознев Д.Ф.* Архиерейский корпус при патриархе Никоне и конфликты в нем. М.: ИНИОН РАН, 1990. Деп. № 41514. С. 9, 12; *Он же.* Церковный суд в России XVII века // Исторический вестник. 2002. № 1 (16). С. 323–340.

[58] *Лобачев С.В.* Патриарх Никон. С. 128–129.

(см., например: Возражение 26. Л. 618–699). Соотношение Ветхозаветных и Новозаветных цитат соответственно 927 (35%) и 1736 (65%).

Следующая особенность — мотивированность цитаты — ее использование в гомилетических текстах-образцах. Объем, как правило, ограничивается в пределах одного, иногда двух-трех библейских стихов, в остальных случаях — перед нами контаминация отрывков из разных глав одной или разных книг (см.: Возражение. 9. Л. 61об., 62об.; 16. Л. 142; 20. Л. 21, 232; 22. Л. 264, 270; 23. Л. 274, 283об., 290об.; 24. Л. 297 б.; 25. Л. 427об., 430об.; 26. Л. 547 [помета: Лук. 13, ср.: Гал. 1, 8]. Л. 720 [помета: 1Петр, ср.: 2Тим. 2, 18], Л. 721об. [помета: Колас. 2, ср.: 2Кор. 11, 3]). Например, в некоторых отрывках Патриарх ссылается на Евангелие от Луки, но регулярно контаминирует текст с текстами других евангелистов — текст подвергается не только сокращению, но и одновременно расширению за счет комментирующих вставок, т.е. получается контаминация из всех упоминавших эпизод евангелистов. Евангельский фрагмент выступает, таким образом, в качестве идеологической, композиционной, нарративной и стилистической основы текста. По нашим подсчетам в «Возражении или Разорении...» 417 заимствований из нравственных правил свт. Василия Великого.

У Патриарха Никона наиболее часто встречается немаркированное использование 70-го правила (48 упоминаний — 12%), 69-го правила (33 упоминания — 8%), 72-го (18 — 4%) и 80-го правила (16 — 4%). Из 80 правил в возражениях-разорениях вопросов-ответов использованы 69, но особенно 70-е правило (в 1-ом возражении-разорении 4 упоминания, в 5-ом — 4 раза, в 6-ом — 1, в 9-ом — 4, в 10-ом — 1, в 11 — 1, в 14 — 3, в 17 — 6, в 18 — 1, в 20 — 2, в 22 — 1, в 24 — 3, в 26 — 17 раз). В некоторых случаях тематическая группа цитат следует без наименования правила, отсутствует первая цитата-выписка из Нового Завета. Не называя, например, того или иного правила Василия Великого, Никон пользовался ими (судя по подстрочным примечаниям), цитируя из разных источников, прежде всего, из «Кормчей» (л. 173об. «Возражения» — л. 61об.–62 «Нравственных правил»).

Проанализировав «Нравственные правила» Василия Великого и 27 возражений-разорений Никона, мы разместили результаты сличения текстов в сравнительных таблицах, состоящих из четырех колонок. В первой колонке указан источник, т.е. выделены книги, главы, стихи из Священного Писания (ссылки на эти тексты у Никона даны по зачалам, поэтому глава и стих определялись нами во всех случаях дополнительно). Во второй колонке размещены «Правила» Василия Великого (на основе опубликованной версии делалось сличение с текстами Нового Завета). Третья колонка содержит указание номера листа в рукописи «Возражения...». Четвертая — определяет тип цитаты, т.е. маркированная Патриархом Никоном в пометах или немаркированная, а также выявленный нами парафраз библейского текста.

Исследованы данные сплошной выборки библейских цитат в «Возражении...». Общее количество текстовых репрезентаций составило 2653. Поскольку у Никона цитаты обозначаются по зачалам, было необходимо установить границы цитируемого текста внутри зачала (глава и стих) — каждая цитата сверялась с первоисточником — Евангелием и Апостолом. В тексте выявлено 545 цитат без указания текста источника. Посредством семантико-когнитивного анализа источник восстановлен. Выявлено 16 случаев контаминаций. Кроме этого, произведено сличение текста «Возражения...» с «Нравственными правилами» Василия Великого (80 правил, 233 главы).

***

Символизм как картины мира в целом, так и индивидуальной картины мира Патриарха Никона предельны. В связи с этим он дает не только подробное толкование символики священнических одежд (л. 282–286), но и атрибутов царской и державной власти (л. 394–396об.). Его особое внимание к сути символа базируется на принципе христо-антропоцентризма, т.е. исповедании Христа в любви. Как Бог являет Себя человеку в любви, жертвуя Собой ради его спасения, так и человек обоживается ради наследования Царства Небесного («любви начало и бытие и конец — Христово пришествие»)[59].

Основные мысли свт. Григория Нисского и Святейшего Патриарха Никона по вопросу стяжания образа Божия в человеке и пастыре определяется тем, что небесное путешествие души становится

[59] Письмо к Царю Алексею Михайловичу от Никона Патриарха из Рождественскаго монастыря во Владимире назидательное о пребывании в любви // *Патриарх Никон.* Труды. С. 118.

внутренним. При этом Откровение говорит людям о Боге, чтобы затем найти в человеке то, что соответствует в нем образу Божию, а небрежение замутняет в человеке этот образ. Сам образ Божий в человеке одновременно и познаваем, и непознаваем. Человек есть венец творения — микрокосм, заключающий в себе все сущее, т.е. человек изначально создан для участия в Боге. Однако мир оказался отрезанным от Бога посредством человека, поэтому связь (религия) с Богом — в свободе и самоопределении человека.

Классическая формула взаимоотношений между церковной и светской властями заключается в «Эпанагоге» — кратком сборнике правовых норм, составленном в Византии в конце IX в. 3-й титул Эпанагоги провозглашает согласие священства и царства.

По мнению Патриарха Никона, основой права должны быть нормы, взятые «ис правил святых апостол и святых отец, и из градских законов греческих царей». В 6-й новелле Юстиниана говорится, что царство и священство — это два Божественных дара, данных человечеству свыше. Происходя из одного Божественного начала, они дополняют друг друга: священство охватывает сферу религиозной, а царство — мирской жизни. Забота о духовном обеспечивает светской власти благополучие государства, а молитвами духовенства укрепляется могущество царства. От союза священства и царства зависит сохранение и соблюдение переданных через апостолов и святых отцов священных правил. Патриарх есть живой и одушевленной образ Христов, словом и делом свидетельствующий истину. В задачу царя входит доброе управление, а Патриарха — охранение верных в чистоте и благочестии. Цель царя — благодетельствовать народу, а Патриарха — спасать души пасомых. Царь благочестив и усерден в Божественном, Патриарх учителен, обличает неправду, защищает догматы даже перед лицом царя. Царь защищает истины, провозглашенные Писанием, Патриарх толкует правила святых отцов и древних Патриархов.

Основной тенденцией развития богословской мысли в России второй половины XVII в. были цезареполистское[3*] рассмотрение «симфонии властей» как «симбиоза» государства и Церкви. В симфонии признавались два начала — светское и церковное. Церковь не от земли, но от Бога, государство же — это устроение земной жизни человека и создается творческими силами человека. Высшей целью государства считалось сохранение православной веры — «в симфонии государство признает закон Церкви основным законом жизни, высшей ценностью, и стремится служить ему, провести его в жизнь»[60], — в связи с чем государство вправе вмешиваться в церковную жизнь, начиная с избрания Патриарха, осуществлявшегося по инициативе царя, до царских указов, регламентировавших соблюдение православных постов. В XVII в. «трудно было указать, где оканчивалась Церковь и начиналось государство»[61]. Государство прямо ставило религиозные заповеди и нормы христианской жизни в основу своей политики. Царь утверждал назначение Патриарха, играл главную роль в его избрании, принимал участие во внутрицерковной жизни. Все это вполне соответствовало догматико-полемической традиции раннего раскола[62]. Неразрывно связано с концепцией «симфонии властей» было и дальнейшее развитие доктрины «Москва — третий Рим». Согласно ей по которой миссия хранения чистоты православной веры возлагалась на Московского самодержца, как последнего православного царя.

Патриарх Никон по-иному видел реализацию идеи симфонии церковного сознания, приспособливая ее к новым историческим условиям. Он проводил ее с учетом верховного руководящего принципа, определяющего задание Церкви по христианизации всех социальных отношений. Все сферы жизни должны были организоваться в одну гармоническую систему по указанию христианских идей под сверхприродным руководством Церкви. В связи с этим он реанимировал исконный визан-

---

[3*] *Цезареполизм* — доминирование государства во взаимоотношениях с Церковью, усиливающийся контроль за религиозными организациями со стороны государственно-чиновничей бюрократии [см.: *Шмидт В.В.* Патриархальный традиционализм — староверие — старообрядчество (проблемы и перспективы осмысления) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень. 2007. № 3–4 (40–41); *Он же.* Патриарх Никон и его наследие в контексте русской истории, культуры и мысли: опыт демифологизации: Дисс. ... д-ра филос. н.: В 2 т. М.: РАГС, 2007. Т. 1. С. 245, 266].

[60] *Концевич И.М.* Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси. М., 1993. С. 191.

[61] *Фармаковский В.* О противогосударственном элементе в расколе // Отечественные записки. 1866. № 12. С. 487–489.

[62] Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. I. С. 44, 167.

тийский смысл «симфонии властей». Эта симфония требует подчинения идей государственных идеям церковным, но никак не их слияния и тем более отождествления, способных привести порабощению не только самих идей, но и институциональных организаций. Церковь и государство согласно «симфонии властей» выступают как структуры самостоятельные, независимые и в чем-то параллельные. При этом христианизация социальных отношений не отождествлялась ни с цезарепапизмом[4*], ни с папоцезаризмом[5*].

Вожди старообрядчества, искренне считая себя «государевыми богомольцами», воспринимали функцию пророка. Так, для Ивана Неронова и его друзей церковный Собор был выше голоса епископата, или даже любого собрания, находящегося под контролем «сбившихся с пути» епископов. Напротив, для Патриарха Никона церковная иерархия есть отражение Божественной. Однако он не отождествлял православие с обрядностью, а церковное общество с политическим. В новых культурно-политических условиях и формационных сдвигах патриархально-староверческое отождествление приводило к квази-политизации религиозного дискурса староверов, до сих пор оставляя этот вопрос дискуссионным[63]. Со своей стороны, Патриарх Никон, не придавая церковному обряду неизменности догмата, почитал его подлежащим изменению и исправлению властью Поместного собора, особенно когда получил одобрения Восточных Патриархов. Святейший Никон считал, что государство должно возглавляться истинной, правоверной самодержавной властью царя, при которой только и возможна симфония властей, а, следовательно, процветание Церкви и государства силою православной веры.

Находясь на различных идеологических полюсах, Иван Неронов и Патриарх Никон схожи в воззрениях на взаимоотношения царя и Церкви как сына и матери. Пределы иерархического послушания русского православного человека были обозначены еще и прп. Иосифом Волоцким: «Царь, заподозренный в отходе от православной веры не слуга Божий, но диавол, и не царь, а мучитель и... ты такового царя не послушавши»[64]. Отхождение царя Алексея Михайловича от этого канона — несомненный показатель Апостасии[6*], начало прихода времени Антихриста как для староверов, так и для Патриарха Никона.

По мнению Патриарха, духовный наставник, проповедник несет ответственность за поступки каждого человека в той же мере как и нарушающий божественный закон. Но судит людей только Бог, а не человек. Как видим, из «Возражения...» следует, что принципы кафолического экклезиологизма, т.е. пространственной, временно́й и качественной универсальности природы и свойств Церкви, были общей основой идеологии как Патриарха Никона, так и лидеров староверческого движения. Насколько показывает исследование биографии и наследия Святейшего Патриарха, вся его жизнь, труды, воззрения были исповеданием каппадокийской системы ортодоксального богословия.

Главными источниками по нравственному богословию Патриарха выступают его произведения — «Духовное завещания Никона, Патриарха

4* *Цезарепапизм* (лат. *caesar* — цезарь и *papa* — папа) — термин, введенный католической историографией XIX в. для обозначения таких отношений между императорской властью и Церковью в Византии, в которых глава государства (император) якобы был и главой Церкви. Согласно такой точке зрения, цезарепапизм возник в Римской Империи при Феодосии Великом и получил формальное закрепление в Кодексе Юстиниана.

5* *Папоцезаризм* — религиозно-политическая модель, в которой в руках духовного главы (например, Папы Римского) сосредоточена как светская, так и духовная власть. Провозглашена Папой Григорием Великим как примат духовной власти над светской. Окончательно сформировалась к середине XI в. В настоящее время в полной мере реализована только в государстве Ватикан.

63 См.: *Черенкова Е.Э.* Система права и система законодательства Российской Федерации: понятие и соотношение: Автореф. дисс. ... к. юрид. н. М., 2006. С. 15; *Варьяс М.Ю.* Церковное право в романо-германской правовой системе: Автореф. дисс. ... к. юрид. н. М., 1997. С. 20–21; *Дорская А.А.* Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права. СПб., 2007; *Шмидт В.В.* Патриархальный традиционализм — старовериe — старообрядчество (проблемы и перспективы осмысления) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2007. № 3–4 (40–41); *Kowalska-Stus Hanna*. Kultura i eschatoilogia: Moskwa w XVII w. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiello skiego, 2007; и др.

64 *Иосиф (Волоцкий)*. Просветитель. М., 1993. С. 367.

6* *Апостасия* (греч. αποστασία — отступничество) — термин, используемый для обозначения религиозного отступничества. Отступничество представляет собой добровольный отказ верующего от своей религии либо отказ клирика от своих обязанностей или подчинения церковной иерархии.

Московского»[65] и «Нравственные наставления царю / христианину»[66].

«Нравственные наставления...» начинаются выдержками из «Кормчей» 1653 г. (л. 298а, 309, 310, 327об., 330об., 331) и представляют собой тетради с выписками из Нового Завета, где, приводя в пример Христа во храме (Мф. 24, 15; Мк. 13, 14; Лк. 21, 20), противопоставляются «нерадивость и леность» (л. 486, 487, 487об., 488, 489об., 491) и «небрежение» (л. 486об., 488об., 489об., 491, 493об.) «благочинию» (л. 486об., 489, 489об., 490об.) и «усердию» (л. 487, 487об., 488об.), и др. Так Патриарх Никон наставляет царя к покаянию, очищению души.

К тому же призывал в своих посланиях царя и противник Никона — протопоп Аввакум[67], который считал своей целью защитить христианского царя от сатанинского воинства. В отличие от Аввакума, Святейший Никон применял евангельское учение об ограничении царской власти законом Божиим, отстаивая право Церкви на роль внутренней оппозиции в случае деспотического правления, долг и право обличать царя, как и всех делающих неправду. Патриарх попытался освободить духовную власть от подчинения власти светской, добиваясь независимости власти Патриарха от власти царя во всех церковных делах. В делах же государственно-общественных он считал правом Патриарха осуществлять духовный контроль, чтобы они совершались согласно Слову Божию, правилам святых апостолов и святых отцов, Вселенских и Поместных соборов и законам древних благочестивых царей.

Патриарх Никон обращал особое внимание на главное дело каждого христианина — соблюдение заповедей Божиих и пребывание в Его воле. Он указывал на то, что обличение всех делающих неправду, в том числе и царя, его долг как пастыря, и что «подобает обличение и запрещение приимати, яко лечбу чистительную страстем, и здравие содевающу» (л. 390). Предстоятель Церкви призывал в посредники и свидетели на суд царев Христа, надеясь, что благодать Слова умягчит его сердце. Он заботился о спасении души своего царственного друга и боролся за то, чтобы во главе Российской державы стоял царь, способный благодатно исполнять свое служение в послушании Церкви. Патриарх Никон подчеркивал, что грех в жизни личной и общественной есть причина несчастий, следующих за уклонением от воли Божией, и что единственным средством отсечения поврежденной грехом человеческой воли является выправление всей жизни согласно церковному канону и стяжание благодати Святаго Духа[68]. В этом Патриарх должен быть учителем царя, как вторая половина «Богомудрой двоицы», как духовное его воспитание-восполнение.

Выводы. В исторической науке по-разному интерпретируется наследие Святейшего Патриарха Никона. Это напрямую зависит от культурно-ценностного контекста того или иного направления, поскольку историческая наука представляет собой поле состязательности между субъектами идентификации. Анализируя долгий опыт предшествующей работы над конкретно-историческим образом шестого Предстоятеля Русской Церкви — Патриарха Никона, современные историки выделяют и противопоставляют два основных подхода, которые условно обозначаются как «уничижительно-критический» [Паисий Лигарид, С.М. Соловьев, Макарий (Булгаков), Н.Ф. Каптерев] и «апологетический» [И. Шушерин, В. Пальмер, Н.И. Субботин, Леонид (Кавелин), М.В. Зызыкин, В.В. Шмидт].

Эволюция сторонников этих подходов и контексты актуализации идей этих направлений могут быть представлены следующим образом:

Старообрядческая традиция «хуления», разработанная в догматико-полемической литературе раннего раскола (вторая половина 60–70-е гг.

---

[65] Духовное завещание Никона, Патриарха Московского // *Патриарх Никон.* Труды. С. 465–469; *Севастьянова С.К.* Духовное завещание патриарха Никона // Патриарх Никон и его время: Сб. научных трудов ГИМ. Вып. 139. М., 2004. С. 226–246; *Она же.* Поучительные сочинения Патриарха Никона // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим»: Сб. статей. Вып. 2. 2005. С. 63.

[66] Духовные наставления христианину // *Патриарх Никон.* Труды. С. 181–196; *Осипенко М.В.* Наставления христианину Святейшаго Патриарха Никона // Социальные конфликты в России XVII–XVIII вв.: Мат-лы Всероссийской научно-практической конференции (г. Саранск, 20–22 мая 2004 г.) / Отв. ред. В.А. Юрченков. Саранск, 2005.

[67] Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Архангельск, 1990. С. 137–138, 140–141.

[68] Что касается цитирования Евангелия от Матфея 5–7 глав, то из 102-х цитат, маркированных — 59 (52%), немаркированных — 43 (48%). В немаркированном виде Патриарх Никон в основном цитирует 7-ю главу (1–5 стихи: «Не судите, да не судимы будете» и пр.) — 16 (37% от всех немаркированных цитат).

XVII в.) представила образ Патриарха как «еретика», «антихриста», «алхимика», прелюбодейца», «властолюбца», «мучителя». В период Межпатриаршества (1658–1666) государственная власть в лице царя Алексея Михайловича воспользовалась услугами Паисия Лигарида для создания образа Патриарха как «паписта», «зарвавшегося властолюбца». Старообрядческая идеология 60–70-х гг. XVII в. претерпевала изменения в зависимости от степени манипулирования светской власти вождями раскола: отношение к православному царю варьировалось от «благочестивого государя, царя-света» в 1664 г. до «рожка антихриста» после смерти Алексея Михайловича в 1676 г. Социокультурный архетип Никона как «культурного антигероя» представал в эмоционально-нагруженном виде, недоступном для авторской рационализации поведенческом коде. В пространстве конфликта привычные структуры заполнялись чужеродной культурной традицией.

Как уже говорилось, для историков XVIII — первой половины XIX в. Патриарх Никон — властолюбивый теократ, посягнувший на царскую власть. С 60-х гг. XIX в. наблюдается установление своеобразной равнозначности фигур Патриарха Никона и протопопа Аввакума. Огнепальный протопоп — не просто мученик раскола, он — крупнейший идеолог этого общественного движения XVII в. Патриарх Никон — не идеолог, а организатор реформы, вызвавшей раскол не только в Церкви, но и в обществе.

Идейное наследие Святителя либо полностью игнорировалось, либо оценивается как незначительное [С.М. Соловьев, Макарий (Булгаков), Н.Ф. Каптерев]. Отдельные элементы деятельности Патриарха (создание монастырей, школы церковного пения, изразцовых мастерских и т.д.) изучались искусствоведами. Духовные искания, история идей рассматривались филологами, семиологами, причем значительно ярче и глубже, чем профессиональными историками. При этом аналитическая обработка исторических источников составляла скорее исключение, нежели правило.

В «неостарообрядческом» дискурсе конца XX — начала XXI в. (Б.П. Кутузов) негативный, эмоционально окрашенный стереотип Патриарха Никона по-прежнему служит одним из оснований для постмодернистского эпатажа и нового мифотворчества, в котором «древлеправославие» становится новейшим идеологическим конструктом. Опорными знаками-маркерами коллективной памяти и одновременно нормативными единицами знания, призванными утверждать аутентичность исторического происхождения и специфику формирования российского государства, служат такие концептуальные конструкции как общинный коллективизм, самобытность, соборность, православная цивилизация, русская духовность, якобы разрушенная «реформами» якобы «безграмотного» Патриарха, причем базовые слова выдержаны в риторике национальной катастрофы. Подобные конструкты, на их взгляд, призваны репродуцировать идеи народно-государственного единения на базе культурно-исторической самобытности. Но этим же конструктам может придаваться и негативный характер, когда православная самобытность староверов мыслится как социальный протест народных масс против проводимой эгалитарными группами централизации, тесно связанной с внешнеполитическим курсом правительства (нацеленным на усиление влияния на Украине, например, в современных условиях).

Кроме традиционности данного подхода не надо сбрасывать со счетов и современные политологические модели. Для Дж. Биллингтона, к примеру, Православие — это имперская идеология, которой должно противостоять либеральное общество, а Патриаршество с его канонической основой — это фундамент теократии и «захват власти со стороны РПЦ».

В почитании Никона как местночтимого святого зарождалась традиция апологетики Патриарха параллельно с официальной критической традицией (также с 80-х гг. XVII в.). Церковные историки [Аполлос (Алексеев), Леонид (Кавелин), М. Самуйловский и др.] опубликовали основные источники по «Делу» Патриарха Никона, идейному наследию и хозяйственной деятельности. Н.И. Субботин, Н.А. Гиббенет, В. Палмер, М.В. Зызыкин, В.Г. Вернадский, В.Б. Тумина, В.В. Шмидт создали методологический аппарат, способствующий возможному осмыслению источниковой базы; в парадигме православного историзма Патриарх Никон стал рассматриваться как православный пастырь, разработавший основы нравственногосударственной идеологии русского православного самосознания.

Несмотря на концептуальную противоречивость и дискурсивное многоголосие, постепенно преодолевается идеологическая ангажирован-

ность, расширяется источниковая база, увеличивается объем публикаций источников (особенно за 2004–2005 гг.). Отметим, что в большинстве случаев присутствует латентная консервативная методологическая установка на реконструкцию «белых пятен», недостающих звеньев уже известного, и она становится своеобразной формой консолидации гуманитарного сообщества. Научная интерпретация идеологических, богословских составляющих воззрений Патриарха Никона присутствует в работах философов (В.В. Шмидт), филологов (С.К. Севастьянова), историки же по каким-то неясным причинам пренебрегают изучением идеологического наследие Никона, тогда как на богословские основания старообрядчества обращают активное внимание.

На наш взгляд, именно недостаточное внимание историков к реконструкции и исследованию воззрений Патриарха приводит к необходимости изучения его методов работы с источниками, концептуальной и авторской модели мира, трансляции культурно-семиотических ориентиров царю и государственной власти в целом, церковной иерерхии и околоцерковному кругу. В этом ключе нам видится перспектива исследования проблемы личности и воззрений Патриарха Никона в отечественной историографии.

Изучение структурообразующих элементов воззрений Патриарха Никона стало возможным благодаря обращению к сущностной стороне вопроса — анализу его текстов, а не только к факту сфабрикованного «дела» и суда, тем более, что в «Возражении...» Никон детально опроверг все предъявленные обвинения и указал на последствия расколотворческих деяний для общества, государства и Русской Церкви.

Идейное наследие Патриарха Никона имеет ярко выраженные каппадокийские корни, это выражается, в первую очередь в цитировании свтт. Василия Великого, Григория Богослова, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, использовании их приемов и методов аргументации. Метод работы Патриарха Никона с текстом первоисточника можно охарактеризовать как реконструктивную интертекстуальность, т.е. авторскую творческую реакцию на чужой литературный материал. Данный прием наиболее типичен для работы книжника, который осознает себя сакральным носителем Божественной истины: так чужой текст является субсистемой системы историко-канонических и богословских воззрений собственно автора. В «Возражении...», например, наиболее часто встречается маркированное использование цитат Мф. 10, 14; 23, 37–38, Деян. 13, 46–47[8*] — мотив «отрясания праха от ног», в том случае, если служение отвергнуто. Из немаркированных цитат (парафраз и пересказ) — Мф. 9, 37–38; Лк. 6, 13–16; 10, 1; Тим. 3, 1–10[9*].

Благодаря комплексному поуровневому анализу интертекстуальных (библейских) включений в произведениях Патриарха Никона, мы пришли к выводу, что особенность его интерпретации обусловлена православными социокультурными ценностями (стяжанием Горнего града), находящими субъективное отражение в концептуальной системе Никона–мыслителя. Апологетическая парадигма, основанная на концептах православной антропологии, которая означает первичность христоцентричной модели по отношению к антропо-, социо-центричным и прочим моделям, разработала адекватный подход к изучению теоретического и эпистолярного наследия Святейшего, что позволило реконструировать его реальные, исторически обоснованные воззрения и деяния.

В антропологии Патриарх Никон развивал учение о человеке, заложенное свтт. Василием Великим, Григорием Назианзином, Григорием Нисским, Иоанном Златоустом, что было свойственно для средневековой русской книжности вообще. Правда, считается, что до XVI в. самостоятельных систем антропологических воззрений на Руси не было. Обычно древнерусский книжник следовал форме святоотеческого наследия и в этих нормативных рамках создавал тексты, восходящие к наследию восточных отцов Церкви. Патриарх Никон синтезировал святоотеческое учение о непознаваемости и непостижимости Бога. Для него практическое благочестие состоит в исповедании Имен Божиих.

[8*] «Савл же, иже и Павел, исполнися духа, возрев нань, рече: О исполнени всякоя лсти и всякоя злобы сыне дияволов, враже всякоя правды, не престаеши ли, развращая пути Господня правыя? От таковых убо по Божественей заповеди из града и из дому исходити и прах ног своих отрясти во свидетелство им. Якоже и деяния повествуют Павла верховнаго апостола тако сотворша».

[9*] «Слушаяй вас, Мене слушает, и слушаяй Мене, слушает пославшаго Мя, и вас отметаяйся, Мене отметается, и Мене отметаяйся, отмещет пославшаго Мя».

Решение вопроса об обожении человека, непостижимости Божией, Патриархом Никоном вполне сопоставимо с антропологией Григория Нисского. К тому же это находит выражение в его практической храмоздательной (строительной) деятельности, в иконографическом моделировании сакральных пространств Святой Земли (Воскресенский монастырь Нового Иерусалима), Афона (Иверский Валдайский монастырь), образа Креста Иисуса Христа (Крестный Кий-островский монастырь). Не случайно совпадение периода начала строительства Воскресенского монастыря и охлаждения дружбы царя и Патриарха. Мотивы Никона при строительстве монастыря Нового Иерусалима становятся более ясны лишь в связке со спором царя и Патриарха о симфонии властей. Конфликт лишь на поверхности выражался как спор, но это было противостояние идеологемы «Третьего Рима» Царя Алексея Михайловича идеологеме «Нового Израиля» Патриарха Никона.

Идеология «Москва — Третий Рим», конечно, была церковной, православной, а идеологема «Третьего Рима» была одним из элементов самосознания народа. Обладая мировоззренческой, ценностно-ориентационной и регулятивной функциями, всякая идеологема обычно стоит на страже интересов господствующих социальных групп и государства. Ее основная идея есть норма, направляющая воззрения граждан в строго определенное ценностно-смысловое русло. Так, третий Рим олицетворяет мощь и величие древнего античного Рима, а Новый Иерусалим отражает особое заветное отношение народа с Богом. Третий Рим имеет мирскую, светскую направленность, авторитет царства, а Новый Иерусалим сориентирован на авторитет священства, духовную избранность, христоэкклесиологическую модель бытия. Идеологеме третьего Рима присуща имперская экстравертная направленность, а Новому Иерусалиму — метаисторическая направленность существования царства перед вторым пришествием Христа. Здесь Русь как новый Израиль является частью и продолжением библейской истории, Русская земля, избранная Богом, аналогична земле Израиля.

Патриарх Никон описывает современный ему период как время третьего «великого борения» за «Святыя Животворящыя неразделимыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа». Он исповедует христологическое богословие, направленное на выражение единства Господа Иисуса Христа, при одновременном утверждении Его истинности и совершенства как Бога и истинности и совершенства как Человека. В христологическом богословии, в отличие от богословия тринитарного, в рассмотрение непосредственным образом включается человек.

Для догматико-полемической традиции раннего раскола свойственен тринитаризм. Так, Василий Великий пишет: «Аллилуйя — ангельская речь. Человечески рещи — Слава Тебе, Боже. Егда же бысть Василий, и повеле пети две ангельския речи, а третию — человеческую, сице: аллилуйя, аллилуйя, Слава Тебе, Боже!.. Мерзко Богу четверичное воспевание!»[69]. Это относится к введению троекратного пения «аллилуйя» с добавлением «Слава Тебе, Боже» и «Господи, помилуй (трижды вместо дважды), Господи благослови»[70]. Элементы тринитарного богословия обнаруживаются и в воззрениях протопопа Аввакума: «Веруй трисущную Троицу... Несекомую секи по равенству, не бойся, едино существо на три существа тожде и естества... Комуждо особное седение, Отцу и Сыну, и Духу Святому, не спрятався седят три Царя небесные. Христос сидит на особном престоле, равно соцарствуя святей Троице»[71].

Впоследствии догматические построения протопопа Аввакума стали объектом острой критики со стороны обличителей раскола. Дело в том, что протопоп Аввакум высказывает догмат о телесном сошествии Христа в ад, отстаиваемый крайними монофизитами юлианитского толка (актиститами). Принято считать, что староверы сосредоточены на свойствах отдельных ипостасей Бога, на роли Христа в спасении людей («крест Христов, а не Троицын») и малейшее отступление от этой точки зрения расценивается как ересь («Отца и Сына сливают во едино лице»). Патриарх же Никон осмыслял догмат Триединства и роли в спасении

[69] Житие протопопа Аввакума... С. 57.

[70] Ср.: Деяния Соборов 1666–1667 гг. // Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 2. С. 277–279: «аллилуйя» произносится трижды во имя Троицы, а добавление «Слава Тебе, Боже» — символ единства Троицы, «яко един Бог есть, а не три бози».

[71] Памятники истории старообрядчества XVII в. СПб.: РИБ, 1927. Кн. 1. Вып. 1. Т. 39.

людей не только Христа, но и всей Св. Троицы: «Едина весть Святая Троица, Отец и Сын и Святый Дух, яко не искал, ни хотел, и иже имать судити Господь... Сочетание же Христу не ино что, развее веровати во Отца и Сына и Святаго Духа, Святую Троицу единосущную и неразделную, во едино Божество и во святое священное Евангелие и святых апостол и святых отец седми вселенских соборов, якоже и самое то свидетелствует молитвословие» (л. 344об., 404, 485, 915об.).

В целом же экклесиологические воззрения (стремление к оцерковлению всех сторон жизни) были общей основой умонастроений и миропредставлений как староверов, так и Патриарха Никона. Церковно-канонические убеждения Святителя основаны на церковном законодательстве эпохи Вселенских Соборов, что почиталось в XVII в. нормативным кодексом Русской Церкви. Например, в «Возражении...» Никон на «Эпанагогу» ссылается более 20 раз, причем ни разу не требует для Патриарха каких-либо прав в делах государственного управления. Это явное свидетельство о ничтожности тезиса о «папоцезаризме» Никона. Это не более чем историографический штамп и элемент политической мифологии.

В захвате царем управления Церковью Патриарх видел отступление от Св. Писания и св. канонов, что будет почвой для появления антихриста. Мирская (гражданская) власть и ее представители не должны противодействовать канонам Церкви, учению св. отцов и согласованными с ними законам царства. Мирская и церковная власти имеют свой собственный порядок и установленные Богом права, и каждая должна поддерживать и защищать свой собственный порядок, свою собственную ответственность. Если царь попрал каноны, а архиереи ему покорились, то и архиереи подвергли себя церковной анафеме и потеряли свое священство. Согласно концепции Никона, Патриарх имеет право и обязан контролировать по меркам христианского идеала всю государственную жизнь и обличать все ее уклонения от канонических норм, не щадя и самого царя. Именно это, по мнению многих исследователей, помешало Никону предпринять попытку возвращения на Патриаршую кафедру. В этих условиях Царю оставалось лишь окончательно низложить опасного в государственном смысле иерарха.

Понимая Церковь как совокупность руководящих законов жизни, Никон в ее вселенском законодательстве видел верховные нормы, обязательные для государства, поэтому он предостерегал Царя от самоосвобождения от церковных начал, так как в этом случае оно с неизбежностью возвращается к началам естественным, которые противны церковным, как языческие начала — христианским. Это были его реализация на то, что в Соборном уложении 1649 г. государство уже вступало на путь отвержения церковных канонов. Патриарх с ревностью отстаивал «симфоническое» единство церковно-государственного устройства и управления на принципах христоцентричной картины мира. При этом Никон не обращался к прошлому русской национальной духовности как единственному благодатному времени церковной истории. В его представлении внеисторично не «предание отцов», а неиссякающая благодать Божия. Этим он противостоял теоретикам догматико-полемической традиции раннего раскола (Иван Неронов, протопоп Аввакум, дьякон Федор и др.). Для них историческое прошлое являлось объектом, к которому обращаются за доказательством исторической преемственности, прецедентности православных догматов, якобы нарушенных Патриархом Никоном в ходе справы. Старообрядцы не хотели порывать с традициями, торопить и подгонять историю — они были духовно «растворены» в ней[72].

Заметим, что не верно было бы отрицать, что самоидентичность Русской Церкви к середине XVII в. строилась вокруг хранения старых обрядов, тогда как в нормальном православном сообществе таким стержнем выступают догматы, каноны и воспроизводящее все это монашеское делание. Что бы было с Русской Церковью, если бы стержень обрядоверия не был сломан, мы видим на примере множества различных старообрядческих толков.

Основы пастырского богословия Патриарха Никона сосредоточены в монастырском уставе — «Духовном завещании», созданном после оставления Патриаршей кафедры. Свои пастырские обязанности он усматривал в учительном руководстве «святой молитвы», в «умном послушании евангельским и апостольским словесам», в «пении и славословии», в «смиренной работати», в духовничестве, борьбе с суевериями, в проповедях, священнодействах, в наблюдении за пристойным

[72] *Рыбаков С.В.* Православная интерпретация русской истории в отечественной историографии: Автореф. дисс. ... д. ист. н. Екатеринбург, 2007. С. 33–34.

поведением прихожан во время службы, в душепопечении («телесное благообразие... ум собери, мысль же свою и сердце возми на небо... Ащели же узрят кого во церкви молвы творяща о тленных и суетны, таковаго подобает епископу или священнику своими руками бити и из церкви, якоже и самому Христу, изженути»[73]. В «Духовном завещании», кроме общих назиданий о благочестии Патриарх дает указания епископам, священникам и диаконам, которые призваны хранить духовный закон и веру в чистоте и неповрежденности. В практической деятельности Никон шел по пути наиболее сложных типов христианского подвижничества, предпринимая духовные подвиги столпничества и юродства, имея дары прозорливца и целителя. Исследование пастырского богословия как практического, на примере чудес исцелений, позволяет выделить особенности ценностной картины мира Святителя. Изученный материал позволяет выделить следующие когнитивные слои: 1) «чудо как мерило Первосвятительства» (предстояние перед Богом за Царя и паству) и 2) «чудо — как мера защиты» (от нечестых сил и болезней).

Таким образом, Патриарх Никон не только сам выражал каппадокийскую систему богословия, но и распространял ее через опыт монастырского строительства, иконописи, трансляции реликвий, воссоздание сакральных простарнств, герменевтическую справу богослужебного текста, личное подвижничество. Патриарх Никон не только продолжил линию «оцерковления» паствы, заложенную в 40–50-х гг. XVII столетия кружком «ревнитеолей древлего благочестия», но и возвел ее на более высокий уровень — уровень христологического богословия, средством чего стал заметно усложненный религиозный дискурс.

© Воробьева Н.В.

[73] См.: Духовное завещание Никона, Патриарха Московского // *Патриарх Никон*. Труды. Л. 487–492об.